

11. Сидоренко, И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Е. В. Беляева

Белорусский государственный университет, Минск

E. V. Belyaeva

Belarusian State University, Minsk

УДК 17.031

КАТЕГОРИЯ МОРАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ЭТИКЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ¹

CATEGORY OF MORAL TRUST IN THE ETHICS OF RESPONSIBILITY

Моральное доверие как этическая категория – это аксиологическая установка на уважение моральной субъектности человека и уверенность в осуществимости моральной регуляции. В этике ответственности как специфическом типе теории морали понятие доверия приобретает категориальный статус за счет связи с другими категориями, характеризующими онтологию морального субъекта: открытость Другому и коммуникация с ним, способность к нелинейному самопреобразованию, нравственное могущество и рефлексивность. Доверие – это производное от ответственности нравственное качество субъекта.

Ключевые слова: доверие; моральное доверие; моральный субъект; онтология субъекта; этика ответственности; этика долга; этика блага; рефлексивность.

Moral trust as an ethical category is an axiological attitude, respect for the moral subjectivity of a person and the possibility of moral regulation. In the ethics of responsibility as a specific type of moral theory, the concept of trust acquires a categorical status due to its connection with other categories that characterize the ontology of the moral subject: openness to the Other and communication with him, the ability for non-linear self-transformation, moral power and reflexivity. Trust is a moral quality of a subject derived from responsibility.

Keywords: trust; moral trust; moral subject; subject ontology; ethics of responsibility; ethics of duty; ethics of good; reflexivity.

Данный текст продолжает рассуждения, изложенные в статье «О специфике морального доверия и его категориальном статусе в этике» [1]. В ней раскрывались особенности этической интерпретации доверия, в отличие от его трактовки в психологии и социологии. Моральное доверие как этическая категория – это аксиологическая установка на уважение моральной

¹ Статья выполнена при поддержке гранта ГПНИ № ГР 20212272.

субъектности человека и убеждение в осуществимости моральной регуляции. Ее актуализация произошла в той ситуации неопределенности и риска, в которой пребывает человек в современном мире, где не существует онтологических оснований для уверенности человека в существовании морали и способности ее реализовать. Мораль превратилась в объект доверия, т. е. авансированного, негарантированного отношения, представляющего между тем колоссальную ценность.

Трактовка доверия как нравственной ценности получила обоснование в контексте этики ответственности – особом типе теории морали по сравнению с этикой долга и этикой блага. Эти этические учения, сложившиеся на протяжении XX в., поставили в центр системы категорий понятие ответственности, связав его со специфической онтологией морального субъекта (Ж.-П. Сартр, М. М. Бахтин, Э. Левинас, К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Г. Йонас, Х. Ленк, Ж.-Л. Нанси, П. Рикёр и др.). Их общая характеристика дана в книге В. А. Канке «Этика ответственности» [2].

В большинстве работ, посвященных феномену доверия, ответственность рассматривается узко и функционально – как средство для получения доверия. Между тем формирование этики ответственности показывает, что ответственность – это категория, способная центрировать особый тип теории морали, а доверие – это производное от ответственности нравственное качество субъекта. В противовес недоверчивости оно может рассматриваться как специфическая добродетель, свидетельствующая о моральности личности.

Цель данной статьи – установление категориального статуса морального доверия в этике ответственности за счет раскрытия его специфического содержания и указания места в онтологии морального субъекта.

Обобщая философское наследие представителей этики ответственности, следует указать на важную связь между этикой и онтологией в их учениях, в результате чего этика оказывается не частной прикладной дисциплиной, а нравственной философией, средоточием философского мышления, для которого любое абстрактное рассуждение служит обоснованию пути правильной жизни, а само устройство бытия включает этические отношения и нравственные поступки. Так, этика ответственности, с одной стороны, возвращается к мысли В. С. Соловьева и других русских мыслителей начала XX в. о существовании нравственной детерминации процессов бытия, а с другой – воплощает самые актуальные стратегии постклассической философии.

В частности, к ним относится онтологическая трактовка субъекта, в отличие от гносеологической субъект-объектной схемы философии Нового времени [3]. Соответственно, моральный субъект перестает интерпретироваться гносеологически – как носитель этического знания и нравственных убеждений, которые затем воплощаются в деятельности. Субъект не проти-

востойт объекту, но выступает элементом процессов детерминации, определяет характеристики бытия; всё, что есть, является таковым благодаря активности субъекта. Важно то, что это не просто произвольная бестолковая активность; субъектность означает ответственность за бытие, в первую очередь за бытие Другого живого.

К онтологическим характеристикам морального субъекта в этике ответственности можно отнести открытость Другому и миру, разомкнутость, нелинейную динамику самопреобразования, коммуникативность, рефлексивность, нравственное могущество и способность к производству смысла. Идентичность нового субъекта имеет гибкий, модульный характер. Такая онтология субъекта лежит в основании нового типа доверия и позволяет показать, какое место занимает доверие в способе обретения современного пути правильной жизни.

Важным для этики ответственности является новая трактовка ключевой категории. Ответственность понимается как проявление свободы, а не результат вины. Это позитивная «ответственность за», которая имеет перспективный характер, обращена в будущее и зиждется на способности субъекта полагать собственный закон в этом мире, принимать решение относительно его преобразования и вносить свою ответственность как вклад в сохранение и продолжение жизни. Это не ответственность *перед* источником нормы и авторитета, а ответственность *за*, которую субъект берет на себя в сложившейся ситуации с целью разрешить ее. В такой ситуации субъект проявляет доверие и к себе как деятелю, и к миру как месту своей жизни, и к Другому как партнеру по нравственной коммуникации.

В этике ответственности моральное доверие выступает проявлением фундаментальной открытости субъекта, демонстрирует его ценностную ориентацию в отношениях с миром и окружающими. Как в целом открытость системы предполагает ее способность к ответу на воздействие среды в соответствии с собственными законами самоорганизации, так и в морали она проявляется как нравственная отзывчивость личности, как ценностный ответ на взгляд Другого (человека, сообщества, мира). Притом речь идет не только о доверии как социальной практике, но и о способности экзистенциально довериться Другому, открыться во всей полноте неповторимой личности.

Доверие к себе в «этике ответственности» также опирается на специфически очерченный феномен ответственности. Оно характеризует потенциальную субъектность человека, способность быть причиной самого себя. В реальности, конечно, каждый может быть подвержен влиянию, вести себя не проективно, а реактивно. Поэтому ответственная установка быть причиной самого себя предстает как нравственная задача, для решения которой необходимо доверие к себе, своим нравственным качествам, моральному могуществу и способности к самопреобразованию. Субъект характеризу-

ется не столько сформированными добродетелями или устойчивыми моральными убеждениями, а способностью к изменениям. Две другие теории морали (этика блага и этика долга) тоже предписывали личности самосовершенствование, но это было приближение «природы человека, какова она есть» к «идеальной природе человека». Теперь же изменения направлены либо к неизведанному горизонту, который очерчивается индивидуально, либо вообще не образуют связного проекта. Для самой личности ее собственная изменчивость является поводом исследовать нелинейную динамику морального мира, а предметом доверия становится непрерывность собственного нравственного опыта.

Важнейшей особенностью этики ответственности является то, что Другой, к которому обращены как ответственность, так и доверие, также является моральным субъектом. Это казалось бы самоочевидное обстоятельство на деле мало принимается во внимание в этике блага и этике долга, в которых содержание ответственности личности определяется с опорой на ее добродетели или рациональную автономию. Представления другого субъекта об объеме и направленности этой ответственности не учитываются. Вполне справедливо, что нормативное предписание акцентирует внимание на том, кто должен его выполнить, но строится оно по патерналистской модели облагодетельствования Другого и заботы о нем в рамках заместительного нравственного выбора: я решаю, что для него лучше, ответственно беру его жизнь и судьбу в свои руки. Этика же ответственности предполагает, что содержание и мера ответственности каждого из участников взаимодействия проясняется в коммуникации. Борьба за возможность быть ответственным становится проявлением нравственной свободы.

Этика ответственности считает важным быть открытым Другому, а значит, научиться признавать его в качестве субъекта. По словам А. Е. Зимбули, «адресатом доверия оказывается тоже вменяемый, разумный субъект, чье поведение изначально не может быть предсказано однозначно [4, с. 45]. Способность доверять проявляется изначально, невзирая на ненадежность Другого, спонтанность и незавершенность которого отличает его от автономного субъекта модерна. В обществе риска субъект проявляет авансированное доверие к Другому, понимая, что оно может не оправдаться не в силу его безнравственности, а в силу инаковости морали Другого. Не случайно О. Н. Кожемякина трактует «доверие как благоориентированное рисковое действие, вследствие непрозрачности намерений, изначальной свободы и неконтролируемости действий Другого» [5, с. 17]. Поэтому, как отмечает Э. Гидденс, «доверие не предзадано, но вырабатывается, и связанная с этим работа означает взаимный процесс самораскрытия» [6, с. 256].

Открытость Другому предполагает не столько гносеологическую веру, сколько доверие его субъектности, способности к морали. Так, классический этический тезис о том, что никто в морали не является объектом или

средством, переформулируется в терминах доверия. Но если Другой – это субъект, то он способен производить незнакомую и даже чуждую для каждого данного человека мораль (нормы и ценности, путь правильной жизни, способ утверждения самооценности личности и пр.). Доверие к тому, как понимает и полагает мораль другой моральный субъект, предполагает, что его специфическая мораль не направлена против меня. В результате субъект доверяет Другому сделать себе не должное, договорное благо, а то, которое Другой пожалует, подарит. Моральное доверие Другому предполагает не просто толерантность к его моральным убеждениям, но способность приблизиться к тем нравственным практикам, в рамках которых Другой осуществляет свою мораль, освоить тот вид добра, которым он хочет поделиться. При этом взаимная ответственность за ненасильственный характер коммуникации сохраняется.

Доверие в этике долга и этике блага не было особой нравственной ценностью или добродетелью, важно было быть достойным доверия, но не было требования проявлять доверие к другим. В этике же ответственности доверие как нравственное качество субъекта – это не только собственная надежность, способность вызывать доверие, но и способность положиться на другого, это «проявление готовности принятия собственной уязвимости и признания приемлемой возможности рассчитывать на добрую волю другого» [5, с. 17]. Обоюдное вменение ответственности представляется В. Ю. Перову основной спецификой морального доверия [7, с. 170].

Взаимная ответственность предполагает, что субъект сам может решить свои проблемы, но доверяет Другому для того, чтобы включить его в коммуникацию, обрести и создать новую, коммуникативную нравственную ценность, которую нельзя произвести автономно, например, солидарность. Во взаимодействии становится понятной суть такого свойства субъекта этики ответственности, как могущество (от слова «могу»). В классических теориях морали доверие также не предполагало наивной доверчивости, присущей слабым и глупым существам, не способным к самостоятельному поведению и вынужденным не столько доверять, сколько доверяться тому, кто решит их проблемы. Субъект этики ответственности, проявляя доверие, обладает могуществом не пострадать от инаковости Другого, проявляет способность доверять, невзирая на неоправданность надежд, это доверие «несмотря на...». В то же время этика ответственности утверждает такое же могущество Другого, способного проявить доверие, превышающее то, которое предписано его социальной ролью, реализовать не оговоренные взаимностью обязательства.

В эпоху модерны и сами моральные субъекты, и этическая теория, осмыслившая их опыт, полагали, что доверие имеет рациональную основу. «Доверительное поведение оказывается рациональным, если оно приводит к наилучшим возможным в данных условиях результатам. Иначе говоря,

доверие рационально, если объект доверия его заслуживает и оправдывает» [8, с. 24]. В современной нравственности по мере развития ценностной рациональности ситуация меняется. Поскольку доверие становится важнейшей моральной ценностью, оно не основывается на рациональном расчете, а само становится обоснованием критериев рациональности. Доверие и открытость в ситуациях взаимодействия рассматриваются как рациональное поведение. Если целерациональное доверие всегда было выборочным, обоснованным, целесообразным [8, с. 25], то ответственное доверие само выступает целью и обоснованием морального действия. Оно тяготеет ко всеобщности, распространяется на любого человека, попавшего в сферу моральной деятельности субъекта, реализуется как «право на доверие», не зависящее от социальных характеристик личности. Кроме того, рациональность морального субъекта этики ответственности является не только ценностной, но и рефлексивно-коммуникативной. Ее существование становится возможным благодаря коммуникации с другими субъектами, соотносению себя с ними не только в плане сопоставления убеждений, но и в нравственной практике.

Анализируя современную нравственность в мире риска, можно констатировать, что предметы доверия и характер его поддержания у разных индивидов и групп могут быть различны и, кроме того, постоянно меняться. Поэтому в этике ответственности, с одной стороны, моральное доверие обосновывается как предпосылка открытой нравственной коммуникации разнообразных субъектов, а с другой – происходит постоянное уточнение сути доверительных отношений, их конкретных особенностей. Такое ситуативное функционирование доверия возможно только благодаря нравственной ответственности участников.

Таким образом, в этике ответственности доверие обрело статус этической категории, обозначающей качество морального субъекта, укорененное в его онтологической структуре и являющееся производной от его ответственности. Специфика трактовки доверия в этике ответственности (по сравнению в этикой долга и этикой блага) состоит в том, что доверие выступает проявлением фундаментальной открытости субъекта, важнейшей характеристикой, свидетельствующей о его моральной субъектности, а также об уважении к инаковости Другого. Предмет доверия и формы его проявления не универсальны, они возникают спонтанно или устанавливаются коммуникативно в процессе взаимодействия субъектов, предполагают способность не только бескорыстно оказывать, но и принимать чужое по форме и содержанию доверие. Доверие носит ситуативный характер и предполагает взаимную ответственность доверившихся. Как и прочие феномены современности, оно понимается плюралистично и устанавливается между любыми субъектами вне зависимости от их групповой принадлежности и само становится основой новой идентичности.

Список использованных источников

1. *Беляева, Е. В.* О специфике морального доверия и его категориальном статусе в этике / Е. В. Беляева // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. / редкол.: В. А. Гайсёнок [и др.]. – Минск, 2021. – Вып. 20, ч. 2.
2. *Канке, В. А.* Этика ответственности. Теория морали будущего / В. А. Канке. – М.: Логос, 2003. – 352 с.
3. *Биричева, Е. В.* Концепт «субъекта» в пространстве неклассической онтологии / Е. В. Биричева. – Екатеринбург: Ажур, 2012. – 124 с.
4. *Зимбули, А. Е.* Доверие / А. Е. Зимбули // Лекции по этике. – СПб., 2018. – Вып. 6. – С. 32–50.
5. *Кожмякина, О. Н.* Концептуализация уязвимости доверия в условиях глобализации и информатизации / О. Н. Кожмякина // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2017. – № 3. – С. 14–24.
6. *Гидденс, Э.* Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. – М.: Праксис, 2011. – 343 с.
7. *Перов, В. Ю.* Проблемы морального доверия / В. Ю. Перов, П. А. Тазенкова // Дискурсы этики. – 2012. – № 1. – С. 152–170.
8. *Алишев, Т. Б.* Основные теоретические подходы к интерпретации феномена доверия в социологии / Т. Б. Алишев // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 1. – С. 22–29.

(Дата подачи: 15.02.2022 г.)

О. В. Беркова

Белорусский национальный технический университет, Минск

O. Berkova

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 303.101

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

THE DIALECTICAL METHOD IN MODERN ECONOMIC THEORY

В статье представлен диалектический метод как наиболее продуктивный при исследовании сущности изучаемых процессов и явлений. Данный метод использован для иллюстрации экономических процессов, происходящих в современном обществе, когда в основу положено «развертывание» категории «стоимость». Диалектическое развитие стоимости объясняет формирование современных направлений развития научного знания – теорий менеджмента, маркетинга, глобализации и т. д.

Ключевые слова: диалектический метод; экономическая теория; стоимость; прибавочная стоимость; прибыль; капитал.